

Палочка шамеса, или Раввин на Голгофе

М. Оппенгейм, Б. Раббот

Журнал «Наука и религия» 1960 г.

Отрывок. Сохранены все признаки времени написания (1960) и искаженные факты (как например убийство эстонских евреев в лагере Клоога)

ПРЕСТУПЛЕНИЕ РАВВИНА ГОММЕРА

Старожилы Таллина хорошо помнят раввина Гоммера, человека с огромной черной бородой, который появился в городе лет за десять до начала войны и поселился в доме номер сорок по улице Нарва-Маантее. Раввин Гоммер был большим знатоком Пятикнижия, Мишны и Гемары. Он окончил в Германии религиозную школу — ешибот при берлинском раввинате и, говорят, даже имел степень доктора философии. «О, наш раввин — это настоящий раввин!» — говорили верующие. А набожные старики, безгранично доверявшие Гоммеру, обращаясь к нему, по старой традиции возглашали: «Сначала Бог, потом — Ты».

Увы, куда хуже разбирался таллинский раввин в политике... Это, казалось бы, глубоко личное обстоятельство и сыграло трагическую роль в судьбе тысяч и тысяч прихожан Гоммера...

Началось с того, что июль 1940 года, принесший в Эстонию восстановление Советской власти, раввин Гоммер встретил хотя и не враждебно, но с чувством, весьма далеким от восторга, — настороженно, с опаской. Ведь коммунисты — безбожники! Гоммер знал это не только по рассказам о жизни в СССР, но и из собственного опыта: много лет в буржуазной Эстонии среди еврейской молодежи действовала тесно связанная с коммунистическим подпольем революционная организация «Лихт» («Свет»). Члены ее — поголовно неверующие! — рука об руку с коммунистами эстонцами и русскими боролись против фашистской диктатуры, против гитлеровского проникновения в страну, за восстановление Советов в Эстонии, за присоединение к СССР. Поэтому коммунизм и Советы представлялись Гоммеру враждебными и опасными — ведь они несли с собой атеизм, неверие...

Вопреки опасениям Гоммера, Советская власть, о которой он слышался страхов еще в Германии, не закрыла ни православную церковь, ни лютеранскую кирху. Не помешала она молиться и верующим евреям. Да, никакого насилия над религией новая власть не чинила. Но вместе с нею пришло то, что больше

всего страшило таллинского раввина — массовый отход людей от синагоги, от веры в Яхве (Адоная). Всю вину за неудачи бога и за свои собственные неудачи Гоммер возлагал на Советы, на коммунистов. Он не понимал, нет, не желал понимать, что это — свежий ветер, ветер новой эпохи ворвался в Эстонию.

В республике началась необычная жизнь — бурная и радостная. Фабрики, заводы и земли перешли в руки трудящихся. Их дети получили доступ во все школы и вузы. Люди всех национальностей — эстонцы и русские, латыши и евреи — стали равноправными гражданами страны Советов. Социалистические устои, новые социалистические порядки прочно утверждались во всем.

Наступил зловещий июнь 1941 года... Раввин Гоммер не ждал его, встретил без радости, но спокойно — озлобление против тех, кто принес с собой безбожие, заслонило разум. Гитлер не представлялся раввину таким уж страшным, он склонен был считать, что коммунисты преувеличивают в своих речах и статьях жестокость нацистского режима. Конечно, раввин знал о тех преследованиях, которым подверглись в Германии его единоверцы. Но считал, что это — отдельные эксцессы, что рано или поздно правители Германии образумятся. Ведь Гитлер не отрицает религию, рассуждал раввин, он не безбожник, не атеист... Значит, он не тронет и верующих в Яхве. Не трогали же немцы синагогу во время оккупации Прибалтики в 1918 году. Что же касается иудейской веры, то гонения на евреев способны лишь ее укрепить. Так было всегда...

В таком духе раввин Гоммер и читал проповеди своим взбудараженным и растерянным прихожанам. Он намекал, что немцы — не так уж страшны, советовал не очень верить «крайностям» советской агитации, не верить сообщениям о фашистских зверствах, о массовом уничтожении евреев и поэтому не оставлять родной город, не эвакуироваться в глубь неведомой атеистической России...

Перед самым приходом немцев простой рабочий человек Перец Гольдштейн решил было уехать, но к нему прямо от Гоммера явился бывший богач Тойб. «Что вы делаете! — воскликнул он. — Немцы только нацепят евреям на грудь могоендовид и все. Никого они не будут убивать. Так говорит сам раввин. Не верьте выдумкам коммунистов!»

Нет, глава таллинской синагоги не был злоумышленником. Он был просто обывателем в политике. Но его авторитет среди верующих евреев сделал его — пусть невольным — виновником гибели тысяч и тысяч людей. Он стал виновником и своей собственной смерти. Когда Таллинский горсовет выдал главе синагоги пропуск на выезд на восток, Гоммер пустил в глаза

представителям безбожной власти «священную пыль». Он сослался на предписания Гемары для раввина – не оставлять своих прихожан, если их не меньше десяти...

Конечно, далеко не все Таллинские евреи поверили раввину. Среди них было много людей, куда более мудрых и зрелых, чем тот, кто претендовал на роль их духовного наставника и учителя. Эти люди взяли в руки оружие и вместе со всем советским народом грудью встали на защиту своей Родины, своей жизни и свободы! Те, кто эвакуировался в Сибирь и на Урал, помогали ковать победу в цехах заводов и фабрик.

Последние, кого они видели, оставляя Таллин, на улицах которого уже гремели бои, были раввин Гоммер и его послушный шамес – служка в синагоге Циван. Они ходили по улицам, заглядывали в дома, беседовали, уговаривали, утешали – впереди чернородый раввин, а за ним старый шамес, прихрамывающий, опирающийся на свою неразлучную трость...

КУДА СМОТРЕЛ ЯХВЕ?

А через несколько дней тысячи людей, оставшихся в Таллине, с ужасом наблюдали иную картину: по улицам города с веревкой на шее, спотыкаясь и пошатываясь, шел раввин Гоммер. Его подгоняли гогочущие завоеватели в грязно-зеленых мундирах. Умоляя о пощаде, Гоммер говорил со своими палачами, как совсем недавно с образованными евреями Таллина,— по-немецки. ЕМУ отвечали пинками. Никто не знает, какими были последние часы жизни раввина...

Гитлеровское отребье с первых же дней оккупации установило в Эстонии режим зверского организованного террора. В соответствии с приказом фюрера подлежали уничтожению все коммунисты, комиссары Советской Армии, просто прогрессивные люди, все евреи — безразлично верующие или неверующие, бедные или богатые. Среди первых жертв оказались семьи рабочих Гершановича, Годьдштейна и многих других и семьи бывших богачей — меховщика Тойба, комиссионера Герценберга, доктора Туха, маклера Гольдмана... Если Тойба повесили немцы, то Гольдштейн повесился сам. Жена его отравилась.

Над всеми недовольными устраивались зверские расправы в застенках гестапо и на улицах города. Каратели проводили массовые расстрелы рабочих и служащих, партизан и военнопленных. Жестоко и беспощадно надругались они и над чувствами тех, кто продолжал верить в бога. Здание старой Таллинской синагоги на Тарту-Мантее фашисты превратили в

конюшню. Даже те, в чьих глазах раввин выполнял непосредственно волю бога, поняли свою роковую ошибку. Но было поздно...

Так началось хозяйничанье гитлеровцев в Эстонии.

Мы уже сказали, что обстоятельства гибели раввина Гоммера остались неизвестными. Зато не так давно мы в подробностях узнали о страшной судьбе тысяч его прихожан, которых религиозная проповедь обрекла на неминуемую гибель.

...За ними охотились, как за дикими зверями. Их вылавливали по одиночке и группами, собирали десятками и сотнями, сгоняли в бараки, а потом отправляли по двум адресам: в Клоога и Нарву.

Клоога - живописное местечко в сорока километрах от эстонской столицы. По какой-то жестокой иронии судьбы «клог» по-еврейски означает «рыдание», «горе». Именно здесь гитлеровцы создали лагерь смерти. Сюда они сгоняли еврейское население со всех концов Эстонии.

Порядки в Клоога ничем не отличались от режима Освенцима и Майданека. Колючая проволока, по которой проходил ток высокого напряжения, окружала лагерь обреченных. Все заключенные, вопреки человеческой логике, вынуждены были выполнять бессмысленную работу — сегодня перетаскивали с места на место каменные глыбы, завтра тащили их обратно. Фюрер не нуждался в их труде! Эту издевательскую работу, которую библия считает проклятием за грехи, узники, выполняли ежедневно с четырех с четвертью утра до глубокой ночи. На людях дрессировали овчарок. Ослабевших ежедневно отбирали и сжигали па кострах - это единственное, чем Клоога отличалась от Освенцима: «цивилизованных» крематориев здесь не заводили... В лагере потеряли практическое значение все 365 запрещений и 248 повелений, которые иудейская религия налагает на каждого верующего...

В Нарве было не лучше. Пленники жили в конюшнях. Заключенных — мужчин, женщин, стариков — с раннего утра выгоняла на берег реки и заставляли строить оборонительные сооружения. Один раз в день выдавали похлебку. Детей на глазах у родителей травили собаками. Многие, не выдержав, бросались с обрыва в бурную Нарву. Их догоняли автоматные очереди охранников. Полуживых людей сжигали в печах знаменитой Кренгольмской мануфактуры...

Когда в 1944 году советские войска ворвались в Клоога и Нарву, живых в лагерях не было. В Клоога у бараков с надписью «Verboten» —

«Запрещено» бойцы увидели горящие бревна, а на них — тлеющие трупы. Оpoznать здесь кого бы то ни было оказалось невозможным...

История трагической гибели прихожан Гоммера, возможно, осталась бы неизвестной миру, если бы не одно обстоятельство.

УЛИКА

Вскоре после войны в одном из таллинских гаражей появился новый сторож. Он был хром и никогда не расставался с тростью.

Однажды сторож с тростью попался на глаза кантору старой синагоги, хорошо знавшему раввина Гоммера и шамеса Цивана. Трость сторожа показалась ему знакомой...

Свои мысли кантор предпочел поведать не богу, а прокурору. Сторож был арестован. Он не стал долго запираяться. Он оказался бывшим надзирателем лагеря в Клоога Сеппом.

Сепп был верующим лютеранином. Это не мешало ему убивать в лагере всех без разбора — евреев и русских, эстонцев и латышей. Сепп был не чужд суеверий. Поэтому, отправляя в костер труп шамеса Цивана, он решил сохранить у себя его трость как талисман.

После разгрома гитлеровцев Сепп и его супруга по-своему использовали библейские сказки о загробной жизни. В день вступления Советской Армии в Таллин жена Сеппа подобрала первый попавшийся труп мужчины и, выдав покойника за мужа, похоронила его скромно, без почестей, не открыв ни разу крышку гроба. Обзаведшись подложными документами, Сепп начал вторую, «загробную» жизнь хромого таллинского сторожа...

Но чудеса не могут тянуться слишком долго. Трость шамеса, эта палочка-выручалочка, не помогла палачу. На его руках было слишком много крови. Без всяких чудес и святой воды Сепп мгновенно избавился от хромоты — это произошло в кабинете следователя. Бывший надзиратель не только рассказал о всех своих злодеяниях, но и сообщил, что его прежние начальники процветают под крылышком генерала Гелена, шефа разведки христианского канцлера Аденауэра.

Сеппу недолго пришлось ходить по земле, не хромя. А немой свидетель его преступлений — трость шамеса - оказалась среди других вещественных доказательств фашистских зверств в Эстонии.